

А. А. Гусейнов¹**КАК ВОЗМОЖНА ГЛОБАЛЬНАЯ ОБШНОСТЬ ЛЮДЕЙ?**

1. В процессе глобализации обнаружилось фундаментальное противоречие, на которое до настоящего времени нет удовлетворительного ответа. Оно состоит в следующем. Нарастающая и успешная трансформация человечества в единое целое в финансово-экономическом и технологическом отношении сопровождается углублением и расширением его разделения в отношении духовном и культурном. Прогресс производительных возможностей человека, достигший общепланетарных масштабов и вплотную приблизивший его к тому, чтобы управлять природными основами своего существования, в силу какой-то дьявольской диалектики оборачивается ростом культурного изоляционизма, всплеском этнонациональных идентичностей и конфликтов, обращением к «корням», средневековым и даже языческим традициям.

2. Принятое объяснение этого исторического парадокса состоит в том, что культурный изоляционизм является естественной защитной реакцией на конкретную форму глобализации, которая на деле выступает как гегемония Запада, навязывание его ценностей. В качестве самого яркого примера такой реакции и доказательства обычно приводится антишахская революция в Иране под руководством Аятоллы Хомейни. Подобная интерпретация

является слишком очевидной, чтобы быть правильной. Во-первых, процессы культурного, прежде всего этнокультурного, анархизма наблюдаются и в западных странах (в Великобритании, Бельгии и др.). Во-вторых, существуют примеры незападных стран, которые успешно включились в глобальную финансово-экономическую и технологическую сеть, сохранив свою духовную и культурную самобытность (самый яркий и показательный из них — Япония). В-третьих, экономические и технологические достижения Запада действительно неразрывно связаны с определенным строем ценностей. Приобщение к ним неизбежно ведет, не может не вести к одновременному заимствованию определенных элементов западной культуры, таких, например, как ориентация на успех, рациональная упорядоченность делового поведения, юридически гарантированная обязательность договорных отношений. Поэтому развивающиеся страны, поскольку они всерьез и ответственно относятся к преодолению своего экономического и технологического отставания, не могут занимать акцентированно враждебную позицию по отношению к западной культуре и образу жизни.

3. Для того чтобы глобализация, с одной стороны, не стала вестернизацией, а с другой — открыто не блокировалась процессами культурного изоляционизма, предлагается концепция диалога культур (цивилизаций). Нет сомнений: диалог — наиболее продуктивная форма взаимоотношений разных культур. Он наилучшим образом обеспечивает их взаимную уважительность и взаимное обогащение. Однако диалог не снимает различий между культурами. Он даже усиливает их. Непременное условие диалога культур (о каких бы культурах ни шла речь) — наличие общего для них пространства. Но это лишь одно из условий.

Другое условие состоит в том, что вступающие в диалог культуры не сводимы друг к другу. Каждая

¹ Академик Российской академии наук, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», книжной серии «Библиотека этической мысли», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

из них равна самой себе. Диалог культур — не спор, где рождается одна общая истина. Одна из его несомненных функций и следствий состоит в том, что стороны в ходе диалога осознают и более отчетливо фиксируют свое отличие друг от друга. Вообще современный человек тянется к индивидуализации: он больше ценит то, что отличает его от других людей, чем то, что соединяет с ними. Диалог культур (и особенно диалог культур национальных и религиозных), возможно, не всегда оборачивается углублением их дифференциации. Но он никогда не ведет к их синтезу, слиянию и тем более не может привести к созданию глобальной культуры.

4. Можно было бы подумать, что глобальная культура возможна, в логике стремления к господству над миром, как более или менее принудительное навязывание всему человечеству одной системы культурных ценностей, например западных. Но это противоречило бы самой идее господства, легитимность которого предполагает, что те, кто господствуют, осознают свое человеческое превосходство над теми, над кем они господствуют, и поддерживают, культивируют свое отличие от них.

5. Словом, культура, как и народ, и государство, относится к такому рода явлениям, которые не могут существовать в единственном числе. Глобальная общность людей, если она возможна, возможна только как общность сверхкультурная, транскulturная. Она находится по ту сторону культур в их цивилизационной, религиозной, национальной выраженности. Рассуждая в терминах культурологии, можно сказать, что глобальная общность людей или, говоря точнее, универсальная основа, сплавляющая человечество в единое целое, возможна как сверхкультура.

6. Почему глобальная сверхкультура, а не глобальная культура? Чтобы ответить на этот вопрос, надо ясно очертить предмет, о котором идет речь. Таким предметом является перспектива кросскультурных процессов. Более конкретно — вопрос о том, может ли она, эта перспектива, завершиться таким единением людей и народов, когда они будут идентифицироваться в качестве представителей человечества в целом и строить (гармонизировать) свои отношения исходя из осознания этого факта. Самое важное при этом состоит в том, чтобы ответить, каким будет отношение такой гипотетической глобальной общности к ныне существующему многообразию культур — будет ли она качественно однотипной культуре как привычной основе единства людей в рамках локальных общностей (наций, конфессий и т. д.) и не растворит ли в себе их исторически сложившееся многообразие. Термин «глобальная культура» правильно фиксирует возможность возвышения человечества до практического осознания своей родовой сущности, но в то же время создает иллюзию, будто это может произойти в форме перехода от множества цивилизационно, религиозно и национально разделенных культур к единой культуре. Термин «глобальная сверхкультура» предпочтительней, так как он, сохраняя идею глобальности, в то же время подчеркивает, что глобальное практически-духовное единство человечества возникает поверх существующих культур, не отменяет их, не стирает их различий.

Моделируя характер соотношения глобальной культуры с локальными культурами, можно обратиться к следующей аналогии. На заре истории люди группировались по кровно-родственному принципу. Со временем человечество перешло на иной — государственно-территориальный принцип организации совместной жизни, когда решающей основной соединения людей в коллективные организмы стали социальные связи вместо кровных уз, а родовой единицей общества стал народ вместо рода. Однако ни родственные узы как способ соединения индивидов в первичную ячейку, ни семья как такая ячейка не исчезли из-за того, что духовный кругозор и общественная практика вышли далеко за кровно-родственные рамки. Семейные ценности и на сегодняшний день остаются базовыми, самыми важными в системе человеческих предпочтений. Люди научились сочетать, соединять многообразие семейных существований с единством народного существования. Более того, второе невозможно без первого. Рассуждая по аналогии, можно предположить, что глобальная сверхкультура будет не унификацией национальных и иных локальных культур, а новой и качественно иной надстройкой над ними.

7. Я попытаюсь схематически представить, как глобальная сверхкультура может выглядеть. Применительно к поведению, общественным нравам, то есть в качестве глобального сверхэтоса.

Глобальное общество — не только более или менее отдаленная перспектива: оно формируется сегодня и в зачаточном виде фактически уже существует. Оно существует в формах мощнейших транснациональных компаний, играющих решающую роль в финансово-экономической сфере, всеохватывающих информационных систем, огромного количества разнообразных международных гуманитарных организаций, политических объединений и т. д. То, что именуется процессом глобализации, — это реальное движение в направлении глобального общества: в него втянуты сотни миллионов людей. Процесс глобализации оказывает влияние на все стороны жизни. Он не ограничивается материальной (финансово-экономической, технологической и т. д.) сферой жизни, а затрагивает, и притом существенно, также ментальную сферу, область отношений между людьми. Речь идет не только об идеологии глобализма, например, пропаганде концепции прав человека. Дело в том, что сами универсальные технологии заключают в себе определенную логику поведения индивидов и отношений между людьми, которые в них втянуты. Они объективно задают, формулируют универсальную (глобальную) схематику поведения, то, что можно было бы назвать этосом глобально организованного общества.

Те, кто делают и обслуживают современные самолеты, трубопроводы, работают в банковской системе, строят небоскребы и тому подобное, в пределах своего делового поведения ведут себя, в общем и целом, одинаково, независимо от своей национальности, конфессиональной или иной культурной принадлежности. Здесь канон поведения задается самим делом, он объективен, не зависит от внутреннего мира индивидов, их душевных и иных человеческих качеств.

Конечно, культурно обусловленные психологические и нравственные различия индивидов имеют значение с точки зрения того, насколько они готовы включиться в современные высокотехнологичные производства и тонко организованные, требующие высокой исполнительской дисциплины формы деятельности. Но, поскольку они включаются в них, их поведение оказывается однотипным. Оно определяется прежде всего способностью рационально контролировать свои действия и подчинять их внешним, объективированным схемам деятельности. Такая способность, надо думать, является одним из элементов глобального этоса, который складывается наряду (поверх и сквозь) с национальными, религиозными и иными человеческими этосами.

8. Выше говорилось, что диалог культур не выводит за рамки культур, не снимает различий между ними. В то же время сверхкультура как зародыш, прообраз глобальной общности людей формируется именно в процессе диалога культур. Диалог культур нельзя понимать как простое схождение, встречу, взаимодействие разных культур. Он прежде всего представляет собой сам процесс их взаимодействия, то, что делает такое взаимодействие возможным — особое гуманитарное пространство, которое находится между культурами, является продолжением каждой из них и в то же время ни в одну из них не входит, в известном смысле является «нейтральной территорией» по отношению к каждой.

В широком плане таким пространством можно считать любое взаимодействие людей, принадлежащих к разным культурам. Таковы, например, межконфессиональные и межнациональные браки, особенно те из них, где супруги и дети сохраняют и культивируют конфессиональные и языковые различия, или пребывание в инокультурной среде (обучение в зарубежном университете, переезд в другую страну и т. д.). Однако с точки зрения межкультурного диалога такие случаи не являются специфичными — браки не обязательно должны быть межконфессиональными, университеты не предполагают обязательного наличия иностранных студентов, государства могут обходиться без иммигрантов. Говоря по-другому, понятия брака, университета, государства не предполагают поликультурного происхождения тех, кто образует эти формы общности. Практические взаимодействия людей разных культур и в этих случаях могут иметь, конечно, форму диалога, но не обязательно; они могут также приобретать конфликтный характер, а еще чаще развиваться в направлении ассимиляции, смены культурной идентичности.

Для понимания специфики диалога культур более показательными являются такие коммуникативные площадки, на которых сходятся люди разных культур, которые изначально предназначены для людей разных культур и могут существовать только в форме их упорядоченного взаимодействия. Таковы, например, международные аэропорты, супермаркеты, интернациональные коллективы различных международных проектов, международные туристические центры и т. п. Способ существования (поведения, общения) людей на этих площадках (в отличие от того, как они являют себя в монокультурной среде), за-

служивает специального культурологического исследования. Но даже предварительный, основанный на простой наблюдательности взгляд позволяет увидеть ряд характерных особенностей.

Прежде всего бросается в глаза, что люди, независимо от того, какова их этническая, конфессиональная или иная культурная принадлежность, на этих площадках чувствуют себя уверенно, ведут себя с полным сознанием законности своего пребывания здесь.

На таких изначально интернациональных площадках люди, как правило, не демонстрируют своего культурного своеобразия, не настаивают на нем, вообще на этот аспект личности не обращают внимания. Так, например, пассажиры международных аэропортов не чувствуют себя дискриминированными из-за того, что они не могут пользоваться родным языком и должны обращаться к служащим на английском языке. Соответствующая ситуация рациональности поведения людей состоит в том, что они оставляют свое культурное своеобразие, своих богов и обычаи при себе и руководствуются в словах и действиях конкретной целью, ради которой они здесь оказались, выбирая для этого соответствующие специальные и продуманно подобранные средства.

Наконец, еще одна особенность общения людей на интернациональных площадках состоит в том, что это общение характеризуется высокой, можно даже сказать, акцентированной степенью вежливости и учтивости. Здесь люди ведут себя иначе, чем в собственной (родной) культурной среде, более настороженно, подтянуто, не без интереса друг к другу, но стараясь выдержать дистанцию, быть подчеркнuto уважительными.

Таким образом, поведение людей в тех проявлениях, в которых можно видеть зачаточные формы глобального этоса (или сверхэтоса), в отличие от того, как они ведут себя в пределах своих локальных (национальных, конфессиональных и др.) общностей, характеризуется тем, что оно максимально объективировано (в частности, вынесено во внешние, зримые, общезначимые, контролируемые схемы деятельности) и рационально упорядочено. В нем нивелируется индивидуальное, эмоциональное, культовое начало — все то, что идет от традиции, устоявшихся привычек. Здесь индивид обнаруживает себя прежде всего как субъект целерациональной деятельности, если воспользоваться терминологией М. Вебера. Если же воспользоваться категориальным строем М. М. Бахтина, то можно сказать, что индивид в своем поведении единичен (представляет собой лишь экземпляр универсального рода разумного существа), но не единствен, и в этом смысле речь действительно идет о стандартизации поведения. Это была бы пугающая перспектива, если бы глобальный сверхэтос отменял национальный, религиозный и иные этосы, разнобразящие картину общественных нравов и межличностных отношений. Однако как надстройка над ними, как общая «крыша», предохраняющая от опасности столкновений на почве культурно обусловленных различий в поведении, такого рода стандартизация может рассматриваться в качестве блага.